

Грустная история с розовым чемоданчиком

...Хотя Валя была еще совсем маленькой, но ей хорошо запомнилось, как в 1937 году Валиного отца, Кайгородова Степана Васильевича, взяли, как тогда говорили, по линии НКВД**. Особенно четко врезалось в ее детскую память то, как он уходил с незнакомыми мужчинами, неожиданно разбудившими их семью на рассвете. В руках отец держал фанерный чемоданчик, окрашенный в розовый цвет. Этот чемоданчик Валя считала только своим, потому что в нем держала игрушки — куколки и разноцветные стекляшки от битой посуды. Отец же и подарил ей его, приехав однажды из командировки. Он всегда, возвращаясь откуда-либо из поездок, привозил ей подарки, но этот подарок она считала самым лучшим и любила возиться с ним. Валя очень дорожила чемоданчиком, потому что он ей сильно нравился, и таких вещей больше не было ни у кого в их селе. Папа тогда, шутя, сказал ей, вручая этот чудесный чемоданчик, о котором она даже и не мечтала:

— Ну вот, Валечка, теперь у тебя есть твой собственный чемоданчик. И никто его не заберет у тебя. Храни в нем то, что пожелаешь нужным.

Просыпаясь по утрам, Валя первым делом бежала к своему драгоценному чемоданчику, доставала из него кукол и, приветствуя их, рассаживала по порядку за расставленной кукольной посудой, также извлеченной из чемоданчика, «завтракать», а на ночь непременно убирала все свои игрушки и кукол обратно в чемоданчик, в их «красивый розовый домик», как говорила она, где им уютно и спокойно спать.

Увидев в руках уходившего отца этот свой чемоданчик, она так удивилась тому, что папа, так любивший и баловавший ее, мог его забрать, не сказав ей о том ничего. Ведь он сам же учил ее, что ничего

* Фрагмент повести «Очень жду у окошечка...», написанной по рассказам дочери «врага народа» Валентины Кайгородовой.

** «По линии НКВД» — так закрепилось в народе название печально известной 58-й, самой страшной политической, статьи в бывшем СССР, — арест по статье № 58 Уголовного Кодекса РСФСР: государственные преступления и контрреволюционная деятельность, по обвинению в шпионаже, саботаже, антигосударственной и контрреволюционной и т. п. деятельности. Подавляющее большинство репрессированных с 1921 по 1953 гг. впоследствии было реабилитировано, часть — посмертно. 58-я статья была отменена в 1961 году. НКВД — Народный комиссариат внутренних дел — центральный орган государственного управления Советского государства (РСФСР, СССР) по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка в 1917—1946 годах, впоследствии переименован в Министерство внутренних дел.

чужого, лично тебе не принадлежащего, нельзя брать без спросу. Валя даже вернулась назад в дом, заглянула за дверь, в сени, где прежде стоял ее чемоданчик и где обычно играла в куклы: а вдруг она ошиблась и у папы другой, точно такой же, как у нее, чемоданчик?! Ведь мог же он тогда купить сразу два чемоданчика — для нее и для себя. Но, к великому ее огорчению, Валя увидела на полу неаккуратную кучку из ее игрушек, кукольных одежек, тряпочек и стекляшек. Девочку это очень обидело, но она тут же решила, что не стоит расстраиваться из-за этого; видно папе очень понадобился чемоданчик, раз взял он его без спросу. К тому же, подумала, папа, скоро вернется и отдаст ей его, но не пустой, а с подарками, и даже он затем, может, и взял его, чтобы положить туда побольше подарков. И с этой радостной мыслью Валя стремглав кинулась назад: а то вдруг не успеет проводить своего любимого папочку, ведь еще даже не наказала ему, как обычно это делалось перед проводами любимого папочки в дальнюю дорогу, что из игрушек ей привезти. Однако вместо возбужденных, оживленно и с шутками разговаривающих между собой людей, какими привыкла она видеть папу в окружении знакомых дядей, нередко сопровождавших его в поездках; маминых наказов, что привезти, как это обычно бывало при отъездах отца, случавшихся довольно часто, Валя увидела в голос плачущую маму. Ее почему-то незнакомые дяденьки не хотели подпускать к папе. А он издали улыбался, но как-то грустно, прощально махал рукой и все повторял:

— Лизонька, родная, только не плачь, пожалуйста... Моей вины нет ни в чем. Советская власть невиновных не сажает: разберутся во всем и отпустят. Я скоро вернусь. Вернусь, вот увидишь... Подожди совсем немного... Береги Валюську. Я вернусь...»

Лицо отца было таким грустным и голос каким-то непривычно глухим и тихим, как будто он заболел. Не понимая, что происходит, Валя кинулась к папе, чтобы поцеловать его на прощание, как привыкла она это делать, но хмурые дяденьки ей не позволили, грубо преградив дорогу. Один из них недоброжелательно и строго сказал:

— Нельзя! Уходи отсюда, девочка!

Другой резко приказал, обращаясь к ее маме:

— Женщина! Заберите ребенка и идите в дом!

Мама отступила на несколько шагов, прижав к себе дочку, но не ушла, повторяя сквозь слезы:

— Степушка, любименький мой, как же так — за что?! Как же так?!

— Ты только не плачь, дорогая моя женушка,— все будет хорошо. Я не виновен и поэтому вернусь! Жди!

— Я знаю, я верю, что ты не виноват, что это — какая-то ошибка, но как же так, Степа?! Как же так?!.. Мы будем ждать тебя! Очень ждать! Возвращайся только!

Впервые слыша такой надрывный родительский разговор, не понимая, о чем он, но почувствовав своим чистым детским сердечком: происходит что-то неестественное, очень горькое, Валечка решила пустить в ход свое испытанное, не раз проверенное средство, всегда действовавшее на горячо любимых маму и папу безотказно — разве-селить их, чтобы они начали смеяться. «Да и строгие дяди развеселят-ся и отпустят папу или ей и маме разрешат подойти к нему»,— подумала она и стала, бойко приплясывая, громко петь слышанное от взрослых и казавшееся девочке веселым:

*А я Яшу подпояшу своим кьясенским имнем.
Издали Яшеньку узнаю по имешку своем...*

В такие минуты родители всегда весело наблюдали за ней, прихлопывали в ладоши, подпевали, озорно одобряя ее: «Ай да Валюська! Ай да молодец! Ну, прямо артистка!..» Но сейчас мама на нее даже не взглянула, и отец не шагнул ей навстречу, не подхватил на руки, не подбросил высоко над собой, а лишь, оглядываясь на ходу, кивнул головой и подмигнул: держись, мол, доченька, все будет хорошо!

— До свиданья, мой любимый папочка! Возвращайся поскорее, я тебя буду очень-пиочень ждать!..

Больше она никогда его не видела. И таким, издали улыбающимся и подмигивающим ей в предрассветной мгле, он и остался в ее памяти на всю жизнь.

Тогда же ей, девочке трех с половиной лет, еще невозможно было осознать весь трагизм случившегося, а потому, весело подпрыгивая и напевая, она бежала впереди мамы, проводившей их любимого папочку, и ей было непонятно, почему мама продолжает так горько плакать.

— Не плачь, мамочка, папа ведь скоя вейнется и пывезет нам гостинчики,— на ходу утешала Валя, то и дело оборачиваясь, пытаясь заглянуть маме в лицо.— А те дяди не обидят нашева папочку. Он ведь такой хоеший, такой добый!..

Когда, спустя более шести десятков лет, Валя смотрела фильм Никиты Михалкова «Утомленные солнцем» и увидела эпизод, как маленькая дочка репрессированного генерала, проводив арестованного и увозимого отца, беззаботно бежала к дому, подпрыгивая то на одной, то на другой ножке, она «узнала» в маленькой героине фильма себя и, глядя на экран, также горько плакала, как когда-то плакала ее мама, которой уже давно не было в живых.

...После того, как забрали отца,— а именно так все и говорили полушепотом: «Забрали» и прибавляли непонятные ее детскому сознанию, незнакомые, но почему-то пугающие слова: «по линии НКВД»,— жизнь их с мамой резко изменилась. Валя не знала, что та-

кое — «линия НКВД» и «враг народа», и почему при этих словах люди переходят на шепот, отчего эти слова казались ей еще более зловещими. Однако вопреки ее внутреннему протесту, они накрепко связались в ее подсознании с бесследным исчезновением отца, с той иной жизнью, которая пошла у них с мамой без него, и стали ей просто ненавистны.

В их, раньше всегда многолюдном, доме больше не появлялись гости, не слышалось смеха и шуток. Ее папа был веселый и всегда шутил и со взрослыми, и с детьми. К нему приходили разные люди: и русские, и алтайцы, чтобы посоветоваться, рассказать о своей беде или, наоборот, радости. Он хорошо знал алтайский язык и с алтайцами говорил на их языке, и даже сам ходил к ним в юрты, учил русскому языку, читать и писать. Алтайцы очень уважали и любили Валиного папу. «Урус якши»,— говорили они.— «Русский — хороший». Нередко он приносил из какой-нибудь юрты грязного, сопливого ребенка — алтаенка, просил Валину маму искупать малыша, вывести у него вшей; девочкам вплести в косы Валины яркие банты, одеть в ее красивые платьица. Кормили маленького гостя, поили чаем со сладостями, Валя с ним играла. А потом, положив в кулечек ему гостинцев: конфет и печенья, папа, взяв с собой Валю, шел назад в алтайскую юрту. Он отдавал чистого, нарядного ребенка хозяйке и говорил по-алтайски:

— Якши балам. Якши балам (хороший ребенок),— вот, мол, как надо ухаживать за ребенком, каким чистым и нарядным он должен быть.

Хозяйки-алтайки благодарили их, угощали чегенем, сырчиком, толканом со сливочным маслом и лепешками. Папе предлагали выпить араки — алтайской водки из молока, но он отказывался, потому что не употреблял алкоголь.

По ночам огородами пробиралась только мамина подруга, необыкновенно красивая Шура с длинными черными косами, обернутыми в два ряда вокруг головы, с колечками кудрей на лбу. Она не входила в дом, а, пригнувшись, осторожно, словно кошка лапкой, скребла в окно, за которым ее большие темные глаза под черными бровями-дугами казались такими огромно-испуганными, что холодело сердце. Приглушенным быстрым шепотом она всякий раз говорила одно и то же:

— Лиза, умоляю, откажись от него, разведись, а то и тебя с Валечкой заберут, откажись... Говорят, за вами скоро придут, сошлют ведь вас, подумай о ребенке хоть...— и быстро скрывалась в темноте, в картофельной ботве и подсолнухах, удаляясь почти ползком. А мама в ответ лишь медленно мотала головой из стороны в сторону, что означало: «Нет, не откажусь. Ждать буду». Маленькая Валя смутно догадывалась, что слова «откажись», «разведись» имеют какое-то зловещее отношение к ее отцу и не понимала, почему маму просит ее самая

близкая подруга, которая бывала у них в доме, как родная, чуть ли не каждый день, отказаться от ее папы, такого доброго, веселого, надежного. Не понимала она и того, почему папы все нет и нет, а мама все плачет и плачет, ожидая его, а по ночам не спит, а и сидит одетая, в темноте, на кровати, обхватив заряженное ружье. У двери стояли наготове собранный мамой чемодан с железными уголками и дерматиновая черная сумка с их вещичками, хлебом, сырой картошкой и баклажкой воды, как будто они собрались куда-то поехать, но все не едут и не едут. Чувствуя за всем этим что-то очень недоброе, Валя ни о чем не спрашивала маму и даже перестала задавать ей вопросы:

— А когда приедет папа? Почему его так долго нет?

Вскоре вместо отца прислали на его место нового человека, у которого была жена и двое детей — почти ровесники Вали, но им не разрешали с ней играть. Они, две семьи, все вместе несколько дней жили в одном доме, принадлежавшем Валиному папе. Дверей в комнатах не было, их заменяли плюшевые шторы, и Валя видела, как слегка отодвинув штору, новая хозяйка тетя Тася тайком, испуганно наблюдала за ее мамой. А однажды сказала маме, продолжавшей сидеть ночами, опершись на ружье:

— Лиза, я тебя боюсь: вдруг ты сойдешь с ума и убьешь нас. Съехала бы ты куда... Теперь ведь этот дом — наш. Нам его отдали.

— Тася, как же я могу бросить все: Степин склад, там и товара полно, и пушнины?! Он ведь дела не успел передать, а вдруг воры нагрянут, растрата будет, его осудят и посадят. Я до его возвращения охранять буду...

— Жди теперь, поди, и не вернется вовсе! Вон моего на его место прислали. Уполномоченный подъедет скоро, все перепишут. Мой и примет дела. А тебя я шибко боюсь, по ночам из-за тебя не спим, ну как тут жить?! И деться некуда — назначили моего...

Услышав этот разговор, Валя натянула на голову одеяло и повзрослому, беззвучно, заплакала, стараясь не всхлипывать. Ей нестерпимо было жалко маму. Ну как можно ее бояться, такую добрую, красивую, молодую, любившую попеть-поплясать, пошутить?! А уж «сойдешь с ума» — никак ей было это непонятно по отношению к ее любимой мамочке. В деревне об одной тете, которую звали Пана-Дурочка говорили: «Сумасшедшая, с ума сошла», но та была такая страшная, косматая, ходила в лохмотьях, грязная и босиком, даже по снегу зимой, и все бормотала что-то непонятное. Когда мальчишки свистели ей вслед, она хватала с дороги камни и комья и кидала в них, громко выкрикивая ругательства и грозя кулаком. А потом шла по селу, ко всем подходила и, размазывая слезы, жаловалась: «Тетенька, а тетенька, чертенята меня обижают, побей их...» Вот ту сумасшедшую Валя и все ребятишки действительно очень боялись и, завидев ее на улице, разбежались по домам и из своих дворов, сквозь тын, издали с

любопытством и страхом наблюдали за ней. Да разве можно сравнить ту сумасшедшую Пану с ее хорошенькой, всегда нарядно одетой, ласковой мамочкой?!

«ЖИТЬ НАДО ВСЕГДА ЧЕСТНО, ДОЧКА...»

...Только став постарше, Валя все узнала и поняла: папу арестовали, как «врага народа», а они с мамой, так и не отрекшейся от него,— члены его семьи,— значит, тоже «враги», от которых хорошим людям надо держаться подальше: дружить с ними не только не достойно и постыдно, но и опасно. Но почему-то их с мамой так и не сослали, хотя они все время ждали, что за ними вот-вот придут, и были готовы к тому. Однако клеймо — дочь «врага народа»,— будто черной краской или дегтем измазало их с мамой и очень вредило им. Валю не приняли ни в пионеры, ни в комсомол, даже в первом классе, узнав обо всем, от нее отсела на другую парту одноклассница Зина. Зато другая девочка, Зоя, которая даже и близкой подругой не была, подседа к Вале, сказав, что ей плохо видно и слышно на предпоследней парте, а Валя сидела на второй парте от стола учителя. Действительно ли Зоя села с Валею по той причине, на которую сослалась, или она решила поддержать Валю и показать классу, что та — такая же, как все, а никакой не «враг народа», Валя так и не узнала, но в душе была безмерно благодарна Зое и ближе подружилась с ней. Сколько же слез пролила Валя из-за того, что ее не посчитали быть достойной принятия в пионеры и в комсомол, а ведь она на самом деле так любила свою Родину, свое село и всех, и все вокруг: односельчан, тайгу, поле, реку — все для нее было таким дорогим, таким родным! Во благо этого она готова была и трудиться, и сражаться, и даже, если надо, жизни своей не пожалеть — именно так она чувствовала внутренне, таким было ее мировосприятие. Но другие, те, кто принимал в пионеры и в комсомол, в это ее мировосприятие, видно, не верили, как не поверили и те, другие, в честность и невиновность ее папы, зато сама Валя никогда, ни на грамм не сомневалась в своем отце, потому что знала, каким он был на самом деле.

...Ее отец, Степан Васильевич Кайгородов, был заведующим «СибПушшиной» в высокогорном селе Инья, что в Горном Алтае стоит в красивом месте, на высоком берегу реки Катуня, и где жили они в большом бревенчатом доме. В этом же доме, за стеной их жилых комнат, были магазин и склад пушнины. Хоть Валя и маленькая была, но магазин тот ясно врезался в ее память на всю жизнь. Там было много-много разных красивых тканей: и блестящей, переливающейся парчи, и мягкого, нежного бархата, и тонкого китайского шелка, и разноцвет-

ных шерсти, ситца и сатина. Ткани горкой лежали на широком прилавке, накрученные на большие деревянные катушки, похожие на маленькие юрочки, на которые наматывают швейные нитки, которых, всех цветов, много в шкапулке ее мамы, увлекавшейся шитьем. Девочка любила смотреть, как папа раскатывает эти громадные катушки, со стуком перевортывающиеся на прилавке, и красивая ткань, шурша, ложится изящными волнами на прилавок. Потом папа сосредоточенно, с доброжелательной улыбкой отмеряет отмотанную ткань длинным деревянным метром, а покупательница с интересом рассматривает ее, ощупывая руками и даже к своей щеке зачем-то прикладывает. Маленькой девочке почему-то больше всего запомнились эти громадные катушки ткани, может, потому что она нетерпеливо ждала, когда вся катушка ткани будет распродана, а ей достанется крохотный кусочек — остаток материи, который уже нельзя продать. И тогда папа отдавал своей любимой дочке разноцветные яркие лоскутки — маленькие отрезки тканей с клеймом. Мама шила из них разные красивые одежды для ее кукол, а Валя помогала крутить ручку швейной машинки — так они всегда шили с мамой на пару.

А еще в папином магазине было много разных шоколадных конфет в ярких, красочных обертках. Фантики Валя собирала для кукол, складывая их в коробку от сладостей. Однажды она тихонько, за спиной отца, пробралась к ящикам с конфетами, нагребла их горстями из разных ящичков полный подол и также потихонечку, на цыпочках, хотела проскользнуть мимо отца. Но он ее заметил и остановил. Такого строгого и серьезного его лица, обращенного к ней, она еще ни разу не видела и, наверно, поэтому навсегда запомнила этот эпизод и слова отца, сказанные строго и твердо:

— Разве можно так делать, дочка? Чужое брать нельзя. Это не наши конфеты, а государственные. Мы их можем только продавать и покупать: отдал денежку — получи конфетки. Вернись-ка назад, разложи конфеты обратно по ящикам и больше никогда так не делай. Если захочешь конфет, попроси у меня или у мамы, мы тебе купим. А в магазине без моего ведома никогда ничего не бери и не заходи за прилавок. Ты все поняла?

Валя, вспыхнув, еле сдержалась, чтобы не разреветься во всю головушку; ей было и стыдно, и обидно, но она утвердительно кивнула головой и тихо сказала:

— Прости меня, папочка, я больше никогда так делать не буду...

Выложила конфеты обратно в ящики и, пристыженная, опустив голову, прошла мимо отца, ожидая, что, увидев ее обиженное лицо, он приласкает, подхватит, как обычно, на руки, расцелует и скажет что-нибудь шутливое. Но отец не обратил на нее больше никакого внимания, даже не взглянул в ее сторону, разговаривая с подошедшим поку-

пателем. «Значит,— подумала девочка,— папа решил, что я — плохая и больше не будет со мной дружить, считая не достойной его дружбы». От стыда и обиды Валя убежала в сени, за дверь, в свой кукольный уголок и долго, горько плакала. Горечи ее слезам придавала еще и мысль, что он обо всем расскажет маме и родным, и все будут считать ее воровкой, плохой девочкой. Отец никому ничего не рассказал и ей никогда не напоминал о том эпизоде, за что она была ему очень благодарна в своей детской душе. И однажды уже без всякой обиды она подошла к нему, сидящему со счетами за столом, вскарабкалась на колени, обхватила его щеки своими маленькими ручками и, глядя в глаза, спросила:

— Папа, ты совсем-совсем не сердись на меня за конфеты? Я тогда сделала, как плохая девочка, и, честное слово, я никогда-никогда не возьму ничего чужого. Вот увидишь...

Отец ее крепко-крепко прижал к себе, расцеловал и спокойно ответил:

— Я верю тебе. Запомни, дочурка; жить надо только честно — всегда и во всем!

Он был такой сильный, высокий и мускулистый, с такими большими теплыми руками, и так с ним было надежно, что весь мир миг показался маленькой девочке добрым, радостным, щедрым. И ей самой хотелось быть такой же. Отец качал ее на вытянутых руках, и волна счастья и радости охватила все ее существо. Как хорошо! Она прыгнула на пол и, заливаясь озорным смехом, закружилась, ярким пестрым кругом раздувая вокруг себя юбочку-солнце.

В СЕМЬЕ ПАПЫ СТАРОГО

Однажды утром на пороге их дома появился Валин дедушка Григорий Яковлевич,— папа старый, как называли в Сибири:

— Ну, внуча, собирайтесь: поедете жить к нам. Хватит вам тут одним бедствовать. Будем жить все вместе.

Он разгладил свою внушительную бороду, одобрительно крякнул, хитровато глянув на внучку:

— Вона какая большая ты уже стала — мамкина помощница! Станешь и бабушке помогать: лишние женские руки всегда в семье сгодятся. Ну как?!

— Да! Да! Папа старый! Поедем! Поедем скорее! — задыхаясь от счастья и радостной перспективы переменить их с мамой тоскливую, тревожную жизнь, воскликнула девочка, кинувшись в объятия гостю, прижалась щекой к его колючей бороде и замерла на миг. Папа старый бережно потерся бородой о нежную щечку внучки,— так он всегда ласкался к ней.

У папы старого была белая борода лопатой, густая и жесткая, усы — в разные стороны, которыми он, играя, щекотал внучку. Он был хозяйственный и строгий; все в доме его слушались и побаивались, а глаза у него были голубые-голубые, с искорками, и Валя знала, что он вообще-то добрый, и очень привязалась к дедушке, а он — к ней.

У них с мамой старой родилось четырнадцать детей, но половина умерли в детстве, а трое сыновей убило на войне, как говорили взрослые. У сгинувших на фронте осталось девять детей, почти все — Валины ровесники. И все жили в дедушкином доме или рядом с ним. Все дети, в том числе и младшие дедушкины сыновья — подростки, дружили между собой. Сообща помогали и по хозяйству: во дворе управляться со скотиной, птицей, прибираться в доме, чтобы содержать его всегда в чистоте и порядке; на покосе, в огороде и на пашне; ходили в лес за грибами, кислицей, малиной, черемухой и смородиной, на гору за ягодами: клубникой, дикими крыжовником, смородиной, ревенем и лечебными травами, в тайгу — за кедровыми орехами, за еловыми и сосновыми шишками для самовара. Находили время и для веселых разнообразных игр; летом купались в реке, возились в песке и гальке, катались на лодках в более спокойных, чем основное стремительное русло, катунских протоках, удили рыбу и неводили.

В домашнем хозяйстве у каждого были свои обязанности: кому воду из реки носить, кому у коров чистить, кому кастрюли, чугуны, да глиняные крынки для молока мыть с богородской травой — чабрецом, чтобы в них дольше молоко не прокисло, кому некрашенные полы голыком с песком драить до желтизны, кому дрова в дом носить для протапливания большой русской печи. Обязанностью Вали, подростокшей к тому времени, было: летом следить за цыплятами, утятами и гусятами, чтобы их коршуны не потаскали; зимой — наводить вместе с другими девочками чистоту в доме и до блеска мыть посуду и крынки, чистить песком кастрюли и чугуны.

Русская печь в Сибири, да в большой семье, как и баня,— спасительница-целительница, пользующаяся большим почетом: на ней дети и старики спали, на прогретых, теплых ее кирпичках хворь выгоняли. Ребятишки зимой после беготни на улице отогревались, намокшая от снега или дождя одежда и обувь просушивались. А самое важное: мама старая — главная хозяйка в доме — пекла в печи хлеб, дрожжевой и подовый; разную сдобу: огромные пироги с капустой, рыбой, грибами и сладкие пирожки с сушеными, распаренными и перетертыми с сахаром клубникой, малиной, смородиной; курники с мясом, утятинной, курятинной, шанежки; парила вкусную калину, поедаемую с медом; томила в чугунах щи, кашу, мясо домашнее или дикого таежного марала (в семье все мужчины еще — и умелые охотники и рыбаки), брюкву и репу, а в большой глиняной крынке — молоко с пеночкой, больше всего нравившееся детворе, суло на патоке и су-

харницу на сливочном масле; зимой вялила маралье мясо и рыбу; летом сушила грибы и ягоды, подсолнечные семечки, кедровые орехи и нарезанную тонкими длинными пластинами сладчайшую сахарную свеклу, употребляемую с чаем вместо сахара.

...Когда Валя была еще маленькой, из уст кого-то из взрослых в дедушкином доме услышала слово «пьяпастина», сказанное о протухшем кусочке мяса. Ей это слово почему-то запомнилось, и она нередко употребляла его, по-детски картавя: «Пьяпастина».

— У, пашол, пашол отсюда, дьячун, пьяпастина такая! — махала она прутиком на драчливого петуха.

Взрослые посмеивались, а папа старый в шутку стал называть ее «Пьяпастина». Валечка любила засыпать на его большой, теплой руке, перебирая у него под мышкою волосы, видно, это ее успокаивало и быстро усыпляло. Она называла это на свой детский манер: «Тысь щепать»:

— Пойдем, папа старый, тысь щепать,— приглашала она вечерами деда, захотев спать. И он, заменившей ей отца, покорно шел за своей любимицей.

Днем, приезжая с колхозного поля домой на своем коне по имени Серко, папа старый привязывал его к штакетнику, вынимал изо рта лошади уздечку, поил ее из ведра подогревшейся на солнце водой,— вспотевшую в жаркий день лошадь нельзя поить холодной водой прямо из колодца — заболеть может,— давал овса или клал перед ней охапку свежего душистого сена: пусть тоже поест и отдохнет, пока хозяин обедает. А потом, зная, что его с нетерпением поджидает внучка, ненадолго ложился,— пока накрывали стол к обеду,— передохнуть у печи, на лежанку, покрытую домотканой дерюжкой (мама старая сама ткала ее на краснах, как и все яркие полосатые половики в доме) со словами:

— Беги скорее ко мне, Пьяпастина, тысь щепать и расстегивал пошире ворот рубахи.

Девочка ложилась на теплую дедушкину руку, перебирала «тысь» и погружалась в свой дневной сон.

...Валя уезжала в семью деда на подводе, сидя на огромном сундуке и с грустью смотрела на свой дом, где они были так счастливы втроем, с папой, которого они с мамой так и не дождались. В беде дети быстро взрослеют, и Валя, хотя с ней и не говорили на эту тему, знала, что ее мама не отказалась от отца, не послушала уговоров подруги. Она в душе была за это так благодарна маме, но не знала, как ей сказать об этом, да и не хотела лишний раз ее расстраивать. «Вот вернется папа, а меня с мамой нет...» — с тоской думала девочка, но тут же утешала себя мыслью, что тогда он сразу же поедет к ее папе старому и маме старой в Инегень и найдет их там.

Так они с мамой переехали в Инегень, старейшее в Горном Алтае и красивейшее село, расположенное среди гор по ту сторону стрелительной Катунь, в большой дом-связь, в большую, дружную семью Леонтьевых — маминых родителей, чей род был древним, крепким и уважаемым. С ними жили еще Валины дяди-подростки Ваня и Гриша, а позднее, когда началась Великая Отечественная война, и снохи — жены воевавших на фронте троих сыновей — с кучей малолетних детей. И все трудились, по мере сил и возможностей, не покладая рук, и в колхозе, и дома, справляясь с большим хозяйством — пашней, огородом, коровами, телятами, овцами, курами, утками, гусями и пчелами.

На закате солнца, чуть освободившись от колхозных и домашних дел, мама, ничего не говоря, брала Валу за руку, и они долго-долго шли по дороге вдоль темнеющего ельника и бесконечных полей. Девочка понимала: они ходят встречать папу, поэтому при появлении вдаль любой мужской фигурки у нее начиналось сильно-сильно биться сердечко. И они с мамой убыстряли шаг, почти бежали, но это был не папа... Так они ходили и летом, и весной, и осенью, и зимой. Они изо дня в день молча, терпеливо ждали папу долгих девять лет, даже когда шла война с немцами и после, но так и не дождались его...

Война принесла в дом папы старого новые трагические потери — трое его сыновей на фронте пропали без вести...

***Примеч. авт.** Как уже догадался читатель, повесть основана на реальных событиях. Историю своего детства — ребенка «врага народа» — в предвоенное, военное и послевоенное время мне рассказала моя сестра Валентина Степановна Кайгородова (умерла в 2006 году, в Барнауле, где и похоронена). Она была старше меня почти на двадцать лет, родилась у нашей мамы в первом браке. Маминого первого мужа, Кайгородова Степана Васильевича, отца Вали, арестовали в Горном Алтае (ныне Республика Алтай), в июле 1937 года. А в августе, — как узнали мы, спустя много лет (в 1995 году, в ФСБ, в г. Горно-Алтайск), — когда был открыт доступ ко многим, ранее закрытым, документам, — смертный приговор, вынесенный ему «тройкой», был приведен в исполнение, т. е. спустя всего лишь месяц с того момента, как его забрали по линии НКВД. Реабилитирован посмертно. А дома его очень ждали почти десять лет. В 1946 году мама вышла замуж за моего отца Егуекова Дмитрия Алексеевича, в браке с которым у них родилось трое детей.*